

232. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТДЕЛЕНИЯ АРХИПЕЛАГА ЧАГОС ОТ МАВРИКИЯ В 1965 ГОДУ

Консультативное заключение от 25 февраля 2019 года

25 февраля 2019 года Международный Суд вынес консультативное заключение относительно *Правовых последствий отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году*.

В состав Суда входили: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Бен-нуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Геворгян, Салам, Ивасава; Секретарь Куврёр.

*

* *

I. История разбирательства (пп. 1–24)

Во-первых, Суд напоминает, что вопросы, по которым запрошено консультативное заключение Суда, изложены в резолюции [71/292](#), принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 22 июня 2017 года. Он напоминает далее, что эти вопросы сформулированы следующим образом:

- a) «Был ли процесс деколонизации Маврикия законно завершен при предоставлении Маврикию независимости в 1968 году, после того как от Маврикия был отделен архипелаг Чагос, с учетом международного права, в том числе обязательств, отраженных в резолюциях Генеральной Ассамблеи [1514 \(XV\)](#) от 14 декабря 1960 года, [2066 \(XX\)](#) от 16 декабря 1965 года, [2232 \(XXI\)](#) от 20 декабря 1966 года и [2357 \(XXII\)](#) от 19 декабря 1967 года?»;
- b) «Какие последствия согласно международному праву, в том числе обязательствам, отраженным в вышеупомянутых резолюциях, влечет продолжаемое Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии управление архипелагом Чагос, включая такой момент, как неспособность Маврикия осуществить программу расселения на архипелаге Чагос своих граждан, в частности лиц чагосского происхождения?».

II. События, приведшие к принятию просьбы о вынесении консультативного заключения (пп. 25–53)

Сначала Суд напоминает, что архипелаг Чагос состоит из ряда островов и атоллов. Крупнейший остров — Диего-Гарсия, расположенный на юго-востоке архипелага. С 1814 по 1965 год архипелаг Чагос находился под управлением Соединенного Королевства как зависимая территория колонии Маврикий.

14 декабря 1960 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию [1514 \(XV\)](#), озаглавленную «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам». 27 ноября 1961 года Генеральная Ассамблея своей резолюцией [1654 \(XVI\)](#) учредила Комитет 24, специальный комитет по деколонизации, для наблюдения за осуществлением резолюции [1514 \(XV\)](#).

В феврале 1964 года между Соединенными Штатами Америки и Соединенным Королевством началось обсуждение вопроса об использовании Соединенными Штатами некоторых принадлежащих Соединенному Королевству островов в Индийском океане. Соединенные Штаты выразили

заинтересованность в размещении военных объектов на острове Диего-Гарсия. 29 июня 1964 года Соединенное Королевство также начало переговоры с премьером колонии Маврикий относительно отделения от Маврикия архипелага Чагос. Состоявшиеся в Ланкастер-Хаусе переговоры между представителями колонии Маврикий и правительством Соединенного Королевства привели к заключению 23 сентября 1965 года соглашения, в котором премьер и другие представители Маврикия согласились с принципом отделения архипелага Чагос от территории Маврикия в целях создания военного объекта на острове Диего-Гарсия, при том понимании, однако, что позднее архипелаг может быть возвращен Маврикию.

8 ноября 1965 года Указом о Британской территории в Индийском океане 1965 года Соединенное Королевство учредило новую колонию, известную как Британская территория в Индийском океане («БТИО»), состоящую из архипелага Чагос, отделенного от Маврикия, и островов Альдабра, Фаркуар и Дерош, отделенных от Сейшельских Островов. 16 декабря того же года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 2066 (XX) по вопросу об острове Маврикий, в которой выразила глубокое беспокойство в связи с отделением некоторых островов от территории Маврикия с тем, чтобы создать на них военную базу, и предложила управляющей державе «не принимать никаких мер, расчленяющих территорию острова Маврикий и нарушающих его территориальную целостность».

20 декабря 1966 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 2232 (XXI) по вопросу о ряде территорий, включая Маврикий. В резолюции Ассамблея вновь повторила свое заявление о том, что «любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности колониальных территорий, а также создание военных баз и сооружений на этих территориях являются несовместимыми с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи». В результате переговоров между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами 30 декабря 1966 года было заключено «Соглашение о доступности Британской территории в Индийском океане для нужд обороны», и в тот же день был подписан согласованный протокол. В рамках Соглашения 1966 года оба государства договорились о том, что правительство Соединенного Королевства примет любые «административные меры», необходимые для удовлетворения их потребностей в обороне. В согласованном протоколе в качестве одной из таких административных мер указывалось «переселение любых жителей» островов.

После обсуждений 15, 17 и 19 июня 1967 года Комитет 24 принял резолюцию по Маврикию. В этой резолюции Комитет «выражает сожаление в связи с расчленением Маврикия и Сейшельских Островов управляющей державой, которое нарушает их территориальную целостность в нарушение резолюций 2066 (XX) и 2232 (XXI) Генеральной Ассамблеи, и призывает управляющую державу вернуть этим территориям отделенные от них острова». В период с 1967 по 1973 год все население архипелага Чагос было лишено возможности вернуться либо изгнано и лишено возможности вернуться Соединенным Королевством. Основное насильственное перемещение населения Диего-Гарсия произошло в июле и сентябре 1971 года.

12 марта 1968 года Маврикий стал независимым государством, а 26 апреля 1968 года был принят в члены Организации Объединенных Наций. Сэр Сивусагур Рамгулам стал первым премьер-министром Республики Маврикий. В пункте 1 раздела 111 Конституции Маврикия 1968 года, обнародованной правительством Соединенного Королевства перед провозглашением независимости Маврикия 4 марта 1968 года, Маврикий определяется как «территории, которые непосредственно перед 12 марта 1968 года являлись колонией Маврикий». Согласно этому определению архипелаг Чагос не входит в территорию Маврикия.

В июле 1980 года Организация африканского единства («ОАЕ») приняла резолюцию 99 (XVII) (1980), в которой «требовала», чтобы Диего-Гарсия был «безоговорочно возвращен Маврикию». 9 октября 1980 года на тридцать пятой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций премьер-министр Маврикия заявил, что БТИО следует расформировать и вернуть эту территорию Маврикию как часть его природного наследия. В июле 2000 года ОАЕ приняла решение, в котором выражалась озабоченность тем, что архипелаг Чагос «был отделен колониальной державой от Маврикия до обретения им независимости в нарушение резолюции 1514 Организации Объединенных Наций».

30 декабря 2016 года истек 50-летний период, охватываемый Соглашением 1966 года; однако в соответствии со его положениями срок его действия был продлен еще на двадцать лет. 30 января 2017 года Ассамблея Африканского союза приняла резолюцию AU/Res.1 (XXVIII) по архипелагу Чагос, в которой, в частности, постановила поддержать Маврикий с тем, чтобы обеспечить «завершение деколонизации Республики Маврикий». 23 июня 2017 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию [71/292](#), в которой просила Суд вынести консультативное заключение.

III. Юрисдикция и дискреционное право (пп. 54–91)

Рассматривая просьбу о вынесении консультативного заключения, Суд должен сначала рассмотреть вопрос о том, обладает ли он юрисдикцией для вынесения запрашиваемого заключения, и если да, то есть ли какие-либо основания, по которым Суду следует, осуществляя свои дискреционные полномочия, отказать удовлетворить эту просьбу.

Юрисдикция Суда на вынесение консультативного заключения основывается на пункте 1 статьи 65 его Статута, согласно которому «Суд может давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу, по запросу любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы самим Уставом Объединенных Наций или согласно этому Уставу». Суд отмечает, что Генеральная Ассамблея компетентна запрашивать консультативное заключение в соответствии с пунктом 1 статьи 96 Устава, в котором предусматривается, что «Генеральная Ассамблея... может запрашивать от Международного Суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу».

Затем Суд переходит к содержащемуся в статье 96 Устава и статье 65 Статута условию, согласно которому консультативное заключение должно касаться «юридического вопроса». Первый вопрос, поставленный перед Судом в ходе нынешнего разбирательства, заключается в том, был ли процесс деколонизации Маврикия законно завершен с учетом международного права при предоставлении Маврикию независимости после отделения архипелага Чагос. Второй вопрос касается последствий, возникающих в рамках международного права в связи с тем, что Соединенное Королевство продолжает управлять архипелагом Чагос. Суд считает, что просьба Генеральной Ассамблеи о вынесении консультативного заключения в целях рассмотрения определенной ситуации в контексте международного права относится к юридическим вопросам. Поэтому Суд заключает, что указанная просьба подана в соответствии с Уставом и что два представленных ему вопроса носят юридический характер. Соответственно, Суд обладает юрисдикцией для вынесения консультативного заключения, запрошенного в резолюции [71/292](#) Генеральной Ассамблеи.

Тот факт, что Суд обладает юрисдикцией, не означает, однако, что он обязан ее осуществлять. В прошлом Суд неоднократно напоминал, что пункт 1 статьи 65 его Статута должен толковаться в том смысле, что Суд имеет дискреционное полномочие воздерживаться от вынесения консультативного заключения, даже если соблюдены условия в отношении юрисдикции. Дискреционное право в отношении того, реагировать ли на просьбу о вынесении консультативного заключения, существует для того, чтобы

огрaдить целостность судебной функции Суда как главного судебного органа Организации Объединенных Наций. Тем не менее Суд понимает, что представление ответа на запрос о консультативном заключении «свидетельствует о его участии в деятельности Организации и, в принципе, он не может отказаться от этого». Таким образом, последовательная судебная практика Суда заключается в том, что только «веские основания» могут заставить Суд отказаться от вынесения консультативного заключения в ответ на просьбу, подпадающую под его юрисдикцию.

Некоторые участники настоящего разбирательства утверждают, что существуют «веские основания» для того, чтобы Суд воспользовался своим дискреционным правом и отказался давать запрашиваемое консультативное заключение. Эти участники указали, в частности, на то, что, во-первых, консультативное разбирательство не подходит для решения сложных и спорных фактических вопросов; во-вторых, ответ Суда не поможет Генеральной Ассамблее в выполнении ею своих функций; в-третьих, со стороны Суда будет нецелесообразно пересматривать вопрос, который уже был урегулирован арбитражем, учрежденным согласно приложению VII к ЮНКЛОС, в *Арбитражном деле в отношении охраняемого морского района Чагос*; и, в-четвертых, вопросы, заданные в ходе настоящего разбирательства, касаются неурегулированного двустороннего спора между двумя государствами, которые не дали согласия на урегулирование этого спора Судом. Поэтому Суд рассмотрит вопрос о том, существуют ли такие основания в настоящем разбирательстве.

1. Подходит ли консультативное разбирательство для решения сложных и спорных фактических вопросов?

Суд отмечает, что на его рассмотрение было представлено большое количество материалов, включая обширное досье от Организации Объединенных Наций. Кроме того, многие участники представили письменные заявления и письменные замечания и выступили с устными заявлениями, в которых содержалась информация, имеющая значение для ответа на поставленные вопросы. Письменные доклады представили 31 государство и Африканский союз, 10 из этих государств и Африканский союз представили письменные замечания по письменным докладом, а с устными заявлениями выступили 22 государства и Африканский союз. Суд отмечает, что информация, представленная участниками, включает различные официальные документы 1960-х годов, в частности документы Соединенного Королевства, касающиеся отделения архипелага Чагос и обретения Маврикием независимости. Поэтому Суд считает, что в рамках настоящего разбирательства ему предоставлено достаточно информации о рассматриваемых фактах, чтобы он мог вынести запрошенное заключение. Соответственно, Суд не может отказаться отвечать на поставленные перед ним вопросы.

2. Поможет ли ответ Суда Генеральной Ассамблее в выполнении ею своих функций?

Суд считает, что не он сам должен определять полезность своего ответа запрашивающему органу. Напротив, решение о том, нуждается ли запрашивающий орган (Генеральная Ассамблея) в заключении для надлежащего выполнения своих функций, следует оставить на его усмотрение. Из этого следует, что в ходе настоящего разбирательства Суд не может отказаться отвечать на вопросы, поставленные перед ним Генеральной Ассамблеей в резолюции [71/292](#), на том основании, что его заключение не поможет Генеральной Ассамблее в выполнении ею своих функций.

3. Целесообразно ли Суду пересматривать вопрос, который уже был урегулирован арбитражем, учрежденным согласно приложению VII к ЮНКЛОС, в Арбитражном деле в отношении охраняемого морского района Чагос?

Суд напоминает, что он дает заключение не государствам, а органу, который уполномочен запрашивать его. Суд также отмечает, что принцип *res judicata* не препятствует вынесению им консультативного заключения. В любом случае Суд далее отмечает, что вопросы, которые были решены арбитражем в *Арбитражном деле в отношении охраняемого морского района Чагос*, не совпадают с теми вопросами, которые находятся на рассмотрении Суда в ходе настоящего разбирательства. Из вышесказанного следует, что Суд не может отказаться отвечать на вопросы на данном основании.

4. Относятся ли заданные вопросы к неурегулированному спору между двумя государствами, которые не дали согласия на его урегулирование Судом?

Суд отмечает, что вопросы, поставленные перед ним Генеральной Ассамблеей, касаются деколонизации Маврикия. Генеральная Ассамблея не запрашивала заключение Суда для урегулирования территориального спора между двумя государствами. Скорее, цель просьбы Генеральной Ассамблеи — получить помощь Суда, с тем чтобы руководствоваться ею при выполнении своих функций, касающихся деколонизации Маврикия.

Кроме того, Суд отмечает, что могут иметь место расхождения во мнениях по правовым вопросам в ходе разбирательства консультативного дела. Однако тот факт, что Суду, возможно, придется заявить свою позицию по юридическим вопросам, по которым Маврикий и Соединенное Королевство выразили разные мнения, не означает, что, отвечая на поступившую просьбу, Суд рассматривает двусторонний спор. В этих обстоятельствах Суд не считает, что вынесение запрашиваемого заключения станет отклонением от принципа получения согласия государства на судебное урегулирование его спора с другим государством. Поэтому Суд не может, осуществляя свои дискреционные полномочия, отказаться от вынесения заключения на этом основании.

С учетом вышеизложенного Суд приходит к выводу об отсутствии веских оснований для отказа в вынесении заключения, запрошенного Генеральной Ассамблеей.

IV. Фактические обстоятельства отделения архипелага Чагос от Маврикия (пп. 92–131)

Прежде чем рассматривать вопросы, представленные ему Генеральной Ассамблеей и касающиеся отделения архипелага Чагос от Маврикия и правовых последствий продолжающегося управления архипелагом Чагос Соединенным Королевством, Суд считает важным изучить фактические обстоятельства отделения архипелага от Маврикия, а также обстоятельства, связанные с удалением чагосцев с этой территории. В этой связи Суд отмечает, что перед отделением архипелага Чагос от Маврикия состоялись официальные обсуждения между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами и между правительством Соединенного Королевства и представителями колонии Маврикий.

Так, в феврале 1964 года Соединенное Королевство и Соединенные Штаты приступили к официальным обсуждениям, в ходе которых последние выразили заинтересованность в размещении военного объекта связи на острове Диего-Гарсия. Была достигнута договоренность о том, что делегация Соединенного Королевства рекомендует правительству своей страны взять на себя ответственность за приобретение земли, переселение населения и предоставление компенсации за счет правительства Соединенного Королевства; что правительство Соединенных Штатов будет нести ответственность за расходы на строительство и текущие расходы и что правительство Соединенного Королевства проведет

оперативную оценку возможности передачи Маврикием управления над островами Диего-Гарсия и другими островами архипелага Чагос. По итогам этих официальных обсуждений было заключено Соглашение 1966 года о создании Соединенными Штатами военной базы на архипелаге Чагос.

Обсуждения по вопросу об архипелаге Чагос были также проведены между правительством Соединенного Королевства и представителями колонии Маврикий. В ходе четвертой Конституционной конференции, которая началась в Лондоне 7 сентября 1965 года и закончилась 24 сентября 1965 года, было проведено несколько закрытых заседаний по вопросам обороны. На первом таком заседании премьер Маврикия заявил, что Маврикий предпочитает передачу архипелага Чагос в аренду, а не его отделение. После заседания министр иностранных дел и министр обороны Соединенного Королевства заключили, что, если Маврикий не согласится на отделение, то им придется принять рекомендацию их правительства о принудительном отделении и выплате компенсации. 20 сентября 1965 года в ходе заседания по вопросам обороны, проходившего под председательством государственного министра Соединенного Королевства, премьер Маврикия подтвердил свою позицию. В качестве альтернативы премьер Маврикия предложил Соединенному Королевству сначала признать независимость Маврикия, а затем позволить правительству Маврикия провести переговоры с правительствами Соединенного Королевства и Соединенных Штатов по вопросу об острове Диего-Гарсия. В ходе этих обсуждений государственный министр Соединенного Королевства заявил, что аренда будет неприемлема для Соединенных Штатов и что доступ к архипелагу Чагос должен быть предоставлен посредством отделения.

23 сентября 1965 года в Ланкастер-Хаусе состоялось заседание по вопросам обороны с участием премьера Рамгулама, трех других маврикийских министров и государственного министра Соединенного Королевства. В конце этого заседания государственный министр Соединенного Королевства поинтересовался, могут ли маврикийские министры дать согласие на отделение архипелага Чагос на основе тех обязательств, которые он рекомендовал бы кабинету министров, включая выплату Маврикию компенсации на общую сумму до 3 млн фунтов стерлингов сверх прямой компенсации землевладельцам и оплаты расходов на переселение других затронутых лиц на архипелаге Чагос, а также на возвращение последних в случае отсутствия необходимости. Премьер Маврикия сообщил государственному министру по делам колоний, что предложения, выдвинутые Соединенным Королевством, в принципе приемлемы, но что он намерен обсудить этот вопрос с другими маврикийскими министрами. 24 сентября 1965 года правительство Соединенного Королевства объявило о том, что оно выступает за предоставление Маврикию независимости. 6 октября 1965 года государственный министр по делам колоний сообщил губернатору Маврикия о том, что Соединенное Королевство согласилось с дополнительным пониманием, которого добивался премьер Маврикия, в том числе в отношении того, что выгоды от любых полезных ископаемых или нефти, обнаруженных на архипелаге Чагос или вблизи него, должны быть возвращены Маврикию. Эта дополнительная договоренность в конечном итоге была включена в окончательный протокол о встрече в Ланкастер-Хаусе и стала частью Ланкастерхаусского соглашения. 5 ноября 1965 года губернатор Маврикия сообщил государственному министру Соединенного Королевства, что Совет министров Маврикия «подтвердил согласие на отделение архипелага Чагос».

В период 1967–1973 годов жители архипелага Чагос, покинувшие острова, были лишены возможности вернуться. Остальные жители были переселены в принудительном порядке и лишены возможности вернуться на острова. 16 апреля 1971 года комиссар БТИО издал указ, в соответствии с которым въезд на архипелаг Чагос или пребывание на нем любого лица без разрешения являлись неправомерными («Указ об иммиграции 1971 года»). 4 сентября 1972 года в рамках соглашения, заключенного между Маврикием и Соединенным Королевством, Маврикий принял выплату суммы в размере 650 000 фунтов стерлингов в счет полного и окончательного погашения принятых Соединенным Королевством в 1965 году обязательств по покрытию расходов на переселение лиц, перемещенных с архипелага Чагос.

7 июля 1982 года между правительствами Маврикия и Соединенного Королевства было заключено соглашение о выплате Соединенным Королевством суммы в размере 4 млн фунтов стерлингов *ex gratia*, без признания какой-либо ответственности Соединенного Королевства, в счет полного и окончательного урегулирования всех требований любого рода, указанных в этом соглашении, в адрес Соединенного Королевства, выдвигаемых илуа или от их имени. Согласно этому соглашению, Маврикий должен обеспечить подписание отказа от требований со стороны каждого члена общины илуа на Маврикии.

В 1998 году г-н Луис Оливье Банку, чагосец, возбудил дело в судах Соединенного Королевства, оспаривая закон, согласно которому он был лишен права на проживание на архипелаге Чагос. 3 ноября 2000 года Апелляционное присутствие отделения королевской скамьи Высокого суда вынесло в его пользу решение, предусматривавшее, что соответствующие положения Указа 1971 года должны быть отменены. Правительство Соединенного Королевства не опротестовало это постановление и отменило Указ 1971 года, по которому чагосцам было запрещено возвращаться на архипелаг Чагос. Министр иностранных дел Соединенного Королевства объявил, что правительство Соединенного Королевства изучает возможность переселения илуа обратно на архипелаг. В тот же день, когда Апелляционное присутствие отделения королевской скамьи вынесло решение в пользу г-на Банку, Соединенное Королевство издало еще один иммиграционный указ в отношении архипелага Чагос, за исключением острова Диего-Гарсия. Указ предусматривал, что ограничения на въезд на архипелаг Чагос и проживание на нем не будут распространяться на чагосцев, учитывая их связь с островами архипелага. Однако чагосцам не разрешалось въезжать на остров Диего-Гарсия или жить на нем.

6 декабря 2001 года Комитет по правам человека при рассмотрении периодических докладов, представленных Соединенным Королевством в соответствии со статьей 40 Международного пакта о гражданских и политических правах, отметил, что «государство-участник признает, что введенный им запрет на возвращение илуа, покинувших указанную территорию или высланных с нее, был незаконным». Он рекомендовал государству-участнику, «насколько это еще возможно, принять меры к тому, чтобы право илуа на возвращение на свою территорию могло быть осуществлено».

В июне 2002 года по заказу администрации БТИО было проведено технико-экономическое исследование по вопросу об архипелаге Чагос. Исследование показало, что, хотя в краткосрочной перспективе переселение жителей островов может быть практически осуществимым, расходы на содержание долгосрочного поселения, вероятно, будут непомерно высокими. Даже в краткосрочной перспективе жизнь переселившихся может затрудняться такими природными факторами, как периодические наводнения, вызываемые ураганами, и сейсмическая активность. В 2004 году Соединенное Королевство издало два указа в совете: Указ 2004 года о Британской территории в Индийском океане (конституция) и Указ 2004 года о Британской территории в Индийском океане (иммиграция). Согласно этим указам, ни один человек не имел права на проживание на БТИО и права на въезд и пребывание на ней без разрешения. В том же году г-н Банку оспорил действительность этих указов в судах Соединенного Королевства. Высокий суд удовлетворил его требования. Министр иностранных дел и по делам Содружества подал апелляцию на это решение Высокого суда. Апелляционный суд поддержал решение Высокого суда.

30 июля 2008 года Комитет по правам человека при рассмотрении другого периодического доклада, представленного Соединенным Королевством, принял к сведению вышеуказанное решение Апелляционного суда. На основании статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах Комитет вынес следующую рекомендацию: «Государству-участнику следует обеспечить, чтобы жители островов архипелага Чагос могли осуществить свое право на возвращение на свою территорию, и сообщить, какие меры были приняты в этом направлении. Ему надлежит рассмотреть вопрос о компенсации за отказ в этом праве в течение длительного периода времени».

Министр иностранных дел и по делам Содружества обжаловал решение Апелляционного суда, в котором суд удовлетворил просьбу г-на Банку о признании недействительным Указа 2004 года о Британской территории в Индийском океане (конституция). 22 октября 2008 года Палата лордов поддержала апелляцию министра иностранных дел и по делам Содружества.

20 декабря 2012 года Соединенное Королевство объявило о пересмотре своей политики переселения чагосцев, которые были изгнаны с архипелага Чагос или которым было отказано в возвращении на него. Второе технико-экономическое исследование, проведенное в период 2014–2015 годов, было подготовлено по заказу администрации БТИО в целях анализа различных вариантов переселения чагосцев на архипелаг. В результате исследования был сделан вывод о том, что переселение возможно, несмотря на значительные трудности, включая высокие и весьма неопределенные расходы и долгосрочные обязательства для налогоплательщиков Соединенного Королевства. Затем 16 ноября 2016 года Соединенное Королевство приняло решение отказаться от переселения «с учетом трудности реализации, соображений обороны и безопасности и издержек для британских налогоплательщиков».

На сегодняшний день чагосцы по-прежнему разбросаны по нескольким странам, включая Соединенное Королевство, Маврикий и Сейшельские Острова. В соответствии с законодательством Соединенного Королевства и судебными решениями этой страны чагосцам не разрешается вернуться на архипелаг Чагос.

V. Вопросы, поставленные перед Судом Генеральной Ассамблеей (пп. 132–182)

Суд не видит необходимости в том, чтобы переформулировать вопросы, переданные ему для вынесения консультативного заключения в ходе настоящего разбирательства. Первый вопрос заключается в том, был ли процесс деколонизации Маврикия законно завершен в 1968 году с учетом норм международного права после отделения архипелага Чагос от его территории в 1965 году. Ссылка Генеральной Ассамблеи на некоторые резолюции, которые она приняла в этот период, не предрешает, по мнению Суда, ни их юридического содержания, ни сферы их охвата. В вопросе *a)* Генеральная Ассамблея просит Суд рассмотреть некоторые события, которые произошли в период 1965–1968 годов и относятся к процессу деколонизации Маврикия как самоуправляющейся территории. Она не передала в Суд двусторонний спор о суверенитете, который может существовать между Соединенным Королевством и Маврикием. В вопросе *b)*, который четко связан с вопросом *a)*, Суду предлагается указать, какие последствия в соответствии с международным правом имеет тот факт, что Соединенное Королевство продолжает управлять архипелагом Чагос. Ссылаясь таким образом на международное право, Генеральная Ассамблея неизбежно имела в виду последствия для субъектов этого права, включая государства.

Именно Суд должен изложить нормы права, применимые к фактической ситуации, переданной ему на рассмотрение Генеральной Ассамблеей в ее просьбе о вынесении консультативного заключения. Поэтому необходимость в ограничительном толковании вопросов, поставленных перед ним Генеральной Ассамблеей, отсутствует. Когда Суд излагает применимые нормы права при осуществлении своей консультативной функции, он оказывает Генеральной Ассамблее помощь в решении стоящей перед ней проблемы. Вынося консультативное заключение, Суд не вмешивается в осуществление Генеральной Ассамблеей ее собственных функций.

1. Был ли процесс деколонизации Маврикия законно завершен с учетом норм международного права (вопрос а))?

Суд разъяснил, что для того, чтобы решить вопрос о том, был ли процесс деколонизации Маврикия законно завершен с учетом международного права, он должен определить, во-первых, соответствующий период времени для определения применимых норм международного права, а во-вторых, содержание этого права. Кроме того, поскольку Генеральная Ассамблея сослалась на некоторые из принятых ею резолюций, при определении обязательств, отраженных в этих резолюциях, Суд должен изучить функции Генеральной Ассамблеи в ходе процесса деколонизации.

а) Соответствующий период времени для определения применимых норм международного права

В вопросе а) Генеральная Ассамблея рассматривает процесс деколонизации Маврикия в период между отделением архипелага Чагос от территории Маврикия в 1965 году и обретением Маврикием независимости в 1968 году. Поэтому именно применительно к этому периоду Суд должен определить нормы международного права, действовавшие в отношении указанного процесса. Суд считает, что, хотя при определении применимого права ему следует ориентироваться на период 1965–1968 годов, это не мешает ему, особенно когда речь идет об обычных нормах, рассмотреть развитие права, касающегося самоопределения, в период с момента принятия Устава Организации Объединенных Наций и резолюции 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года. Действительно, практика государств и *opinio juris*, т. е. признание этой практики в качестве права (статья 38 Статута Суда), с течением времени постепенно укрепляются и подтверждаются. Суд может также полагаться на правовые документы, которые были приняты после рассматриваемого периода, если в этих документах подтверждаются или толкуются ранее существовавшие правила или принципы.

б) Применимые нормы международного права

Суд отмечает, что он должен определить характер, содержание и сферу применения права на самоопределение применительно к процессу деколонизации Маврикия — несамостоятельной территории, признанной в качестве таковой начиная с 1946 года как в практике Организации Объединенных Наций, так и самой управляющей державой.

Вначале он напоминает, что «уважение принципа равноправия и самоопределения народов» является одной из целей Организации Объединенных Наций (пункт 2 статьи 1 Устава). Такая цель в особенности касается «Декларации о несамостоятельных территориях» (глава XI Устава), поскольку «члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления», обязаны «развивать самоуправление» этих народов (статья 73 Устава). По мнению Суда, из этого следует, что правовой режим несамостоятельных территорий, закрепленный в главе XI Устава, был основан на принципе прогрессивного развития их институтов, с тем чтобы побудить соответствующее население к осуществлению своего права на самоопределение.

В Уставе не только закрепляется уважение принципа равноправия и самоопределения народов в качестве одной из целей Организации Объединенных Наций, но и содержатся положения, которые должны позволить несамостоятельным территориям в конечном итоге осуществлять самоуправление. Именно в этом контексте Суд должен определить, когда право на самоопределение превратилось в обычную норму, обязательную для всех государств.

Принятие резолюции 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года представляет собой решающий момент в деле консолидации практики государств в области деколонизации, поскольку в этой резолюции уточняются содержание и сфера применения права на самоопределение. Суд отмечает, что процесс деколонизации ускорился в 1960-х годах, когда народы многих самоуправляющихся территорий осуществили свое право на самоопределение и обрели независимость. По мнению Суда, существует четкая взаимосвязь между резолюцией 1514 (XV) и ходом процесса деколонизации после ее принятия.

Суд считает, что резолюция 1514 (XV) с учетом ее содержания и условий ее принятия носит декларативный характер в отношении права на самоопределение как обычной нормы. Она носит нормативный характер, поскольку подтверждает, что «все народы имеют право на самоопределение». В ее преамбуле провозглашается «необходимость незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях», а в первом пункте говорится, что «подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация являются отрицанием основных прав человека [и] противоречат Уставу Организации Объединенных Наций». В резолюции 1514 (XV) далее предусматривается, что «в подопечных и самоуправляющихся территориях, а также на всех других территориях, еще не достигших независимости, должны быть незамедлительно приняты меры для передачи всей власти народам этих территорий, в соответствии с их свободно выраженной волей и желанием, без каких бы то ни было условий или оговорок». В целях предотвращения расчленения самоуправляющихся территорий в пункте 6 резолюции 1514 (XV) предусматривается, что: «Любые попытки, направленные на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность той или иной страны, несовместимы с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций».

Характер и сфера применения права народов на самоопределение, включая уважение «национального единства и территориальной целостности государства или страны», были подтверждены в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Путем признания права на самоопределение в качестве одного из «основных принципов международного права» в Декларации был подтвержден его нормативный характер в рамках международного обычного права.

Средства осуществления права на самоопределение на самоуправляющихся территориях, охарактеризованных как те, которые «географически расположены отдельно и отличаются в этническом и (или) культурном отношении от управляющей ими страны», были описаны в рамках принципа VI в резолюции 1541 (XV) Генеральной Ассамблеи, принятой 15 декабря 1960 года: «Несамоуправляющаяся территория достигла полного самоуправления в случае *a*) превращения ее в суверенное независимое государство; *b*) свободного объединения с независимым государством; или *c*) слияния с независимым государством». Суд напоминает о том, что, хотя осуществление самоопределения может быть достигнуто с помощью одного из вариантов, изложенных в резолюции 1514 (XV), оно должно быть выражением свободной и подлинной воли соответствующего народа. Однако «право на самоопределение оставляет Генеральной Ассамблее определенную свободу действий в отношении форм и процедур, с помощью которых оно должно быть реализовано».

Суд напоминает, что право соответствующего народа на самоопределение определяется со ссылкой на всю самоуправляющуюся территорию. Как практика государств, так и *opinio juris* за соответствующий период подтверждают, что право на территориальную целостность самоуправляющейся территории носит характер нормы обычного права, являясь логическим продолжением права на самоопределение. До сведения Суда не было доведено ни одного примера, в котором после принятия резолюции 1514 (XV) Генеральная Ассамблея или любой другой орган Организации Объединенных Наций счел бы законным отделение управляющей державой части самоуправляющейся территории, с тем чтобы

сохранить ее под своим колониальным правлением. Государства неизменно подчеркивают, что уважение территориальной целостности самоуправляющейся территории является одним из ключевых элементов осуществления права на самоопределение в соответствии с международным правом. Суд считает, что народы самоуправляющихся территорий имеют право на осуществление права на самоопределение в отношении своей территории в целом, целостность которой должна уважаться управляющей державой. Из этого следует, что любое отделение управляющей державой части самоуправляющейся территории, если только оно не основано на свободном и подлинном волеизъявлении народа соответствующей территории, противоречит праву на самоопределение.

По мнению Суда, применимой нормой международного права в рассматриваемый период, а именно в период 1965–1968 годов, является право на самоопределение. В прошлом Суд отметил укрепление этой нормы.

с) Функции Генеральной Ассамблеи в отношении деколонизации

Генеральная Ассамблея играет важнейшую роль в работе Организации Объединенных Наций по деколонизации, в особенности с момента принятия резолюции 1514 (XV). Генеральная Ассамблея наблюдала за выполнением обязательств государств-членов в этом отношении, изложенных в главе XI Устава и вытекающих из практики, сложившейся в Организации. Именно в этом контексте в вопросе а) Суду предлагается рассмотреть при анализе международного права, применимого к процессу деколонизации Маврикия, обязательства, отраженные в резолюциях Генеральной Ассамблеи 2066 (XX) от 16 декабря 1965 года, 2232 (XXI) от 20 декабря 1966 года и 2357 (XXII) от 19 декабря 1967 года.

В резолюции 2066 (XX) от 16 декабря 1965 года, озаглавленной «Вопрос об острове Маврикий», отметив с глубоким беспокойством, что «любая мера, принятая управляющей державой в целях отделения некоторых островов от территории острова Маврикий с тем, чтобы создать на них военную базу, является нарушением Декларации, содержащейся в резолюции 1514 (XV), и, в частности, пункта 6 этой Декларации», Генеральная Ассамблея в постановляющей части текста предлагает управляющей державе «не принимать никаких мер, расчленяющих территорию острова Маврикий и нарушающих его территориальную целостность». В резолюциях 2232 (XXI) и 2357 (XXII), которые носят более общий характер и касаются наблюдения за положением в ряде самоуправляющихся территорий, Генеральная Ассамблея «вновь повторила свое заявление о том, что любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности колониальных территорий, а также создание военных баз и сооружений на этих территориях являются несовместимыми с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи».

По мнению Суда, предложив Соединенному Королевству выполнить свои международные обязательства по проведению процесса деколонизации Маврикия, Генеральная Ассамблея действовала в рамках Устава и в рамках возложенных на нее функций по наблюдению за осуществлением права на самоопределение. Генеральная Ассамблея взяла на себя эти функции в целях надзора за выполнением обязательств, возложенных на управляющие державы в соответствии с Уставом. Для этого она учредила специальный комитет, поручив ему изучать факторы, которые должны быть приняты во внимание при определении того, «является ли каждая данная территория такой, население которой еще не достигло полной меры самоуправления» (резолюция 334 (IV) от 2 декабря 1949 года). Ассамблея последовательно принимает резолюции, в которых излагается позиция в отношении конкретной ситуации на той или иной самоуправляющейся территории. Таким образом, сразу же после принятия резолюции 1514 (XV) Генеральная Ассамблея учредила Комитет 24, которому было поручено наблюдать за осуществлением этой резолюции и сообщать свои соображения и рекомендации по данному вопросу (резолюция 1654 (XVI)

от 27 ноября 1961 года). Генеральная Ассамблея также наблюдает за средствами, с помощью которых выражается свободная и подлинная воля народа самоуправляющейся территории, включая составление вопросов, выносимых на всенародное обсуждение. Наконец, Генеральная Ассамблея неизменно призывает управляющие державы уважать территориальную целостность самоуправляющихся территорий, особенно после принятия резолюции 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года.

Теперь Суд переходит к рассмотрению обстоятельств, связанных с отделением архипелага Чагос от Маврикия, и определит, было ли оно осуществлено в соответствии с нормами международного права.

d) Применение в ходе настоящего разбирательства

Сначала Суд напоминает о том, что на момент отделения от Маврикия в 1965 году архипелаг Чагос, несомненно, являлся неотъемлемой частью этой самоуправляющейся территории. В Ланкастерхаусском соглашении от 23 сентября 1965 года премьер и другие представители Маврикия, который по-прежнему находился под властью Соединенного Королевства как управляющей державы, дали принципиальное согласие на отделение архипелага Чагос от территории Маврикия при условии, что архипелаг может быть возвращен Маврикию позднее.

Суд отмечает, что, когда Совет министров дал принципиальное согласие на отделение архипелага Чагос от Маврикия, Маврикий, как колония, находился под властью Соединенного Королевства. Рассмотрев обстоятельства, при которых Совет министров колонии Маврикий дал принципиальное согласие на отделение архипелага Чагос на основе Ланкастерхаусского соглашения, Суд считает, что это отделение не было основано на свободном и подлинном волеизъявлении соответствующего народа.

В своей резолюции 2066 (XX) от 16 декабря 1965 года, принятой через несколько недель после отделения архипелага Чагос, Генеральная Ассамблея сочла целесообразным напомнить об обязанности Соединенного Королевства как управляющей державы уважать территориальную целостность Маврикия. Суд считает, что обязательства, вытекающие из международного права и отраженные в резолюциях, принятых Генеральной Ассамблеей в ходе процесса деколонизации Маврикия, требуют от Соединенного Королевства как управляющей державы уважать территориальную целостность этой страны, включая архипелаг Чагос.

Суд приходит к выводу о том, что в результате незаконного отделения архипелага Чагос и его включения в состав новой колонии, известной как БТИО, процесс деколонизации Маврикия не был законно завершен на момент обретения Маврикием независимости в 1968 году.

2. Международно-правовые последствия того, что Соединенное Королевство продолжает управлять архипелагом Чагос (вопрос b))

Установив, что процесс деколонизации Маврикия не был законно завершен в 1968 году, Суд теперь должен рассмотреть последствия, возникающие в рамках международного права в связи с тем, что Соединенное Королевство продолжает управлять архипелагом Чагос (вопрос b)).

Суд заключил, что деколонизация Маврикия не была проведена в соответствии с правом народов на самоопределение, из чего следует, что дальнейшее управление архипелагом Чагос со стороны Соединенного Королевства представляет собой противоправное деяние, влекущее за собой международную ответственность этого государства. Это противоправное деяние длящегося характера, возникшее в результате отделения архипелага Чагос от Маврикия.

Определение методов, необходимых, чтобы обеспечить завершение деколонизации Маврикия, относится к компетенции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций при осуществлении ею своих функций, связанных с деколонизацией. Как Суд заявлял в прошлом, к числу его задач не относится «определять, какие действия Генеральная Ассамблея может пожелать предпринять после получения заключения Суда или какие последствия это заключение может иметь для этих действий».

Поскольку уважение права на самоопределение является обязательством *erga omnes*, в защите этого права юридически заинтересованы все государства. Суд считает, что, хотя именно Генеральная Ассамблея должна заявить о том, какие методы необходимы, чтобы обеспечить завершение деколонизации Маврикия, все государства-члены должны сотрудничать с Организацией Объединенных Наций в целях реализации этих методов. Что касается переселения маврикийских граждан, в том числе чагосского происхождения, на архипелаг Чагос, то это вопрос, который касается защиты прав соответствующих лиц и должен быть рассмотрен Генеральной Ассамблеей в ходе завершения процесса деколонизации Маврикия.

В ответ на вопрос *b)* Генеральной Ассамблеи, касающийся международно-правовых последствий того, что Соединенное Королевство продолжает управлять архипелагом Чагос, Суд приходит к выводу о том, что Соединенное Королевство обязано прекратить управлять архипелагом Чагос как можно скорее и что все государства-члены должны сотрудничать с Организацией Объединенных Наций в целях завершения процесса деколонизации Маврикия.

VI. Пункт постановляющей части (пункт 183)

По этим причинам

Суд

1) единогласно

устанавливает, что обладает юрисдикцией для вынесения запрошенного консультативного заключения;

2) двенадцатью голосами против двух

постановляет удовлетворить просьбу о консультативном заключении;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Геворгян, Салам, Ивасава;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Томка, Донохью;

3) тринадцатью голосами против одного

заключает, что, с учетом норм международного права, процесс деколонизации Маврикия не был законно завершен, когда после отделения архипелага Чагос эта страна обрела независимость в 1968 году;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Геворгян, Салам, Ивасава;

ГОЛОСОВАЛА ПРОТИВ: судья Донохью;

4) тринадцатью голосами против одного

заключает, что Соединенное Королевство обязано прекратить управлять архипелагом Чагос как можно скорее;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Геворгян, Салам, Ивасава;

ГОЛОСОВАЛА ПРОТИВ: судья Донохью;

5) тринадцатью голосами против одного

закключает, что все государства-члены обязаны сотрудничать с Организацией Объединенных Наций в целях завершения деколонизации Маврикия.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Геворгян, Салам, Ивасава;

ГОЛОСОВАЛА ПРОТИВ: судья Донохью.

*

Вице-Председатель Сюэ прилагает к консультативному заключению Суда заявление; судьи Томка и Абраам прилагают к консультативному заключению Суда заявления; судья Кансаду Триндади прилагает к консультативному заключению Суда отдельное мнение; судьи Кансаду Триндади и Робинсон прилагают к консультативному заключению Суда совместное заявление; судья Донохью прилагает к консультативному заключению Суда особое мнение; судьи Гая, Себутинде и Робинсон прилагают к консультативному заключению Суда отдельные мнения; судьи Геворгян, Салам и Ивасава прилагают к консультативному заключению Суда заявления.

*

* *

Заявление Вице-Председателя Сюэ

Хотя Вице-Председатель Суда Сюэ полностью согласилась с консультативным заключением Суда, она затрагивает некоторые аспекты, касающиеся применения в данном разбирательстве принципа недопущения отклонения от требования получения согласия государства на судебное урегулирование его спора с другим государством. Она отмечает, что спор между Маврикием и Соединенным Королевством по вопросу об архипелаге Чагос продолжается уже несколько десятилетий, но что эти два государства придерживаются разных взглядов на характер предмета спора. Вопрос о том, представляет ли этот двусторонний спор собой веское основание для использования Судом своего дискреционного полномочия для отказа в даче ответа на вопросы, поставленные перед ним Генеральной Ассамблеей, является одним из ключевых вопросов, который активно обсуждался в ходе разбирательства.

Вице-Председатель Сюз напоминает о судебной практике Суда в отношении основополагающего значения принципа согласия, согласно которому веское основание для отказа в вынесении консультативного заключения существует, если «ответ на просьбу был бы равнозначен обходу принципа, согласно которому государство не обязано без своего согласия допускать вынесение споров на судебное разбирательство» (*Western Sahara, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1975*, p. 25, para. 33; *Applicability of Article VI, Section 22, of the Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1989*, p. 191, para. 37; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 158, para. 47). Этот принцип недопущения обхода в равной степени применяется и в отношении настоящего разбирательства.

Вице-Председатель Сюз отмечает, однако, что факт существования двустороннего спора сам по себе не является веским основанием для отказа Суда в вынесении консультативного заключения. Решающими являются цель и характер просьбы. С учетом своей последовательной судебной практики Суд должен изучить вопрос о том, является ли целью просьбы Генеральной Ассамблеи «выяснение вопроса о необходимом для нее направлении действий» или оказание содействия мирному урегулированию спора (*Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania, First Phase, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1950*, p. 71), и вопрос о том, возникло ли правовое разногласие во время работы Генеральной Ассамблеи и в связи с вопросами, которыми она занималась, или же оно возникло независимо в рамках двусторонних отношений (*Western Sahara, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1975*, p. 25, para. 34).

Вице-Председатель Сюз соглашается с выводом Суда о том, что вопросы, поставленные перед ним Генеральной Ассамблеей, касаются деколонизации Маврикия; цель просьбы состоит не в том, чтобы урегулировать территориальный спор между Маврикием и Соединенным Королевством, а в том, чтобы оказать Генеральной Ассамблее помощь в выполнении ее функций в отношении деколонизации Маврикия; в связи с этим вынесение запрашиваемого заключения не станет отклонением от принципа согласия.

Вице-Председатель Сюз занимает эту позицию исходя из следующих соображений. Прежде всего, сфера охвата вопроса *a)*, поставленного перед Судом Генеральной Ассамблеей, четко определена. Суд просят определить, был ли процесс деколонизации Маврикия законно завершен в конкретный момент времени, когда Маврикий получил независимость. Вопрос об архипелаге Чагос должен рассматриваться на основе фактов и права, которые существовали в то время, и с учетом исторических условий деколонизации Маврикия.

Она отмечает, что представленные Суду доказательства свидетельствуют о том, что отделение архипелага Чагос Соединенным Королевством являлось не просто результатом обычной административной реорганизации колонии управляющей державой, а частью оборонительной стратегии, разработанной с учетом, в частности, будущей независимости колониальных территорий в западной части Индийского океана. Другими словами, коренная причина отделения архипелага Чагос заключается в деколонизации Маврикия. Можно ли «согласие» Совета министров Маврикия, который по-прежнему находился под контролем управляющей державы, рассматривать как отражающее свободное и подлинное волеизъявление народа Маврикия, является важнейшим вопросом, на который Суд должен дать ответ в соответствии с принципом самоопределения согласно международному праву, поскольку это имеет прямое отношение к вопросу *a)*.

Она отмечает, что как само Соединенное Королевство, так и Организация Объединенных Наций рассматривали отделение архипелага Чагос в качестве вопроса деколонизации, а не территориального вопроса. Архивы Министерства иностранных дел Соединенного Королевства свидетельствуют о том, что на тот момент, когда разрабатывался план отделения, должностные лица Соединенного Королевства

осознавали и даже признавали, что, отделяя архипелаг Чагос и другие острова в целях создания Британской территории в Индийском океане, Соединенное Королевство фактически создавало новую колонию.

Заявление судьи Томки

Хотя судья Томка согласен с выводами Суда о том, что процесс деколонизации Маврикия не был законно завершен и что Соединенное Королевство обязано прекратить управлять архипелагом Чагос, он не согласен с аргументами, на основании которых Суд пришел к выводу по второму вопросу, заданному Генеральной Ассамблеей. Он считает, что Суд зашел дальше, чем требовалось для оказания содействия Генеральной Ассамблее, и вторгся в двусторонний спор между Маврикием и Соединенным Королевством относительно архипелага Чагос.

Он обеспокоен тем, что сегодня консультативные разбирательства используются для вынесения на рассмотрение Суда спорных вопросов по инициативе одной из спорящих сторон. В данном случае между Маврикием и Соединенным Королевством существует двусторонний спор относительно архипелага Чагос. Источником настоящего консультативного разбирательства является этот спор. Это разбирательство возбуждено по инициативе Маврикия, и им же были подготовлены поставленные вопросы. В этих обстоятельствах судья Томка считает, что Суд должен проявлять осторожность и не идти дальше, чем это строго необходимо и полезно для Генеральной Ассамблеи, с тем чтобы избежать обхода принципа, согласно которому государство не обязано без своего согласия допускать вынесение споров на судебное разбирательство.

В ходе нынешнего консультативного разбирательства Ассамблея, принимая во внимание равно аутентичный текст первого вопроса Генеральной Ассамблеи на французском языке, задала вопрос о том, выполнены ли условия, необходимые для полной деколонизации Маврикия. По мнению судьи Томки, отвечая на второй вопрос, Суд не обязан выходить за рамки вывода о том, что деколонизация еще не завершена. При решении вопроса о поведении Соединенного Королевства Суд рассматривает вопросы права ответственности государств. Он считает, что Устав служит источником обязательств управляющих держав самоуправляющихся территорий, а не норм международного обычного права ответственности государств.

Заявление судьи Абраама

В своем заявлении судья Абраам высказывает оговорки в отношении того, что он считает несколько двусмысленным подходом Суда к вопросу о принципе «территориальной целостности» в контексте процесса деколонизации.

Судья Абраам согласен с идеей, согласно которой уважение управляющей державой территориальной целостности самоуправляющейся территории является «логическим продолжением права на самоопределение», в соответствии с пунктом 160 консультативного заключения. Однако, по его мнению, это обязательство должно пониматься как имеющее своей целью воспрепятствовать отделению части этой территории по одностороннему решению управляющей державы в момент предоставления независимости или в период, непосредственно тому предшествующий, из соображений, связанных с политическими, стратегическими или иными интересами этой державы.

Судья Абраам считает, что в ходе этого разбирательства не было необходимости выходить за рамки этого определения, чтобы ответить на поставленные перед Судом вопросы, как только он установил, что отделение архипелага Чагос не было основано на свободном и подлинном волеизъявлении населения Маврикия. Он обеспокоен тем, что некоторые части заключения могут быть истолкованы как

наделяющие принцип территориальной целостности практически неограниченной сферой применения, что было бы сомнительным с точки зрения действовавших в соответствующий период норм международного обычного права.

С учетом порой произвольного и подвижного характера границ колониальных образований, определенных управляющими державами, нельзя исключать того, что население разных географических единиц внутри одного колониального образования может иметь различные чаяния в отношении выбора своего будущего. В таких обстоятельствах, по мнению судьи Абраама, принцип территориальной целостности не исключает согласия на разделение территории на основе свободного волеизъявления различных слоев населения этой территории. Если бы с населением архипелага Чагос были проведены консультации, чего не произошло, и если бы оно выразило бы свою свободную волю, отказавшись стать частью нового, независимого государства Маврикий, то исходные данные вопроса, переданного на рассмотрение Суда, были бы, по мнению судьи Абраама, существенно иными.

Отдельное мнение судьи Кансаду Тринидади

1. В своем отдельном мнении, состоящем из 19 частей, судья Кансаду Тринидади прежде всего отмечает, что, хотя он поддерживает выводы, к которым пришел Международный Суд и которые изложены в резолютивной части консультативного заключения относительно *Правовых последствий отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году*, он делает это на основе рассуждений, которые иногда явным образом отличаются от рассуждений Суда. Существуют некоторые моменты, — добавляет он, — которые либо не были в достаточной степени рассмотрены Международным Судом, либо заслуживают большего внимания (и даже существуют относящиеся к существу вопроса моменты, вообще не рассмотренные Судом).

2. Поэтому он подробно останавливается на них, разрабатывает свою собственную аргументацию и излагает обоснование своей собственной позиции по ним. Он начинает с рассмотрения последовательно принимавшихся начиная с 1950 года резолюций Генеральной Ассамблеи, что свидетельствует о давнем признании Организацией Объединенных Наций основополагающего права народов на самоопределение и ее приверженности ему (часть II, пп. 6–29). В число многочисленных резолюций, ставших предметом исследования, входят исторические резолюции Генеральной Ассамблеи 1514 (XV) 1960 года (Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам) и 2625 (XXV) 1970 года (Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций).

3. Судья Кансаду Тринидади напоминает, что в принятой в период между этими двумя декларациями резолюции 2066 (XX) Генеральной Ассамблеи 1965 года содержалось предупреждение о том, что любая мера, принятая «управляющей державой в целях отделения некоторых островов от территории острова Маврикий с тем, чтобы создать на них военную базу», является «нарушением» Декларации 1960 года, в которой четко указано, что подчинение народов иностранному господству является «отрицанием основных прав человека» и противоречит Уставу Организации Объединенных Наций. А в пункте 1 резолюции 2621 (XXV) Генеральной Ассамблеи 1970 года дальнейшее сохранение колониализма объявлялось преступлением.

4. По мнению судьи Кансаду Тринидади, историческое становление международного права деколонизации (часть IV, пп. 38–55) является проявлением исторического процесса *гуманизации* современного международного права. В последующих резолюциях в период 1970–2017 годов колониализм осуждался как отрицание и нарушение основных прав человека, противоречащие самому Уставу Организации

Объединенных Наций. Право на самоопределение возникло и выкристаллизовалось как подлинное право человека как таковое, право народов (пп. 29–37).

5. Кроме того, — добавляет он, — последовательно принимались резолюции бывшей Организации африканского единства и Африканского союза (1980–2015 годы), в которых военная база, созданная на острове Диего-Гарсия (в архипелаге Чагос), категорически осуждалась как «угроза Африке» и содержался призыв «как можно скорее положить конец» «незаконной оккупации Соединенным Королевством архипелага Чагос», с тем чтобы Маврикий мог осуществлять свой суверенитет над архипелагом (пп. 52–55).

6. Затем судья Кансаду Триндади подчеркивает историческое значение включения права на самоопределение в статью 1 двух Пактов Организации Объединенных Наций о правах человека 1966 года и вклад Комитета по правам человека по этому вопросу (в его замечаниях общего порядка, его замечаниях по докладам государств — участников Пакта о гражданских и политических правах с уделением особого внимания жителям островов Чагос и его соображениях по сообщениям) в поддержку прав жителей островов Чагос, которые в течение длительного времени страдали из-за вынужденного выселения с их островов, включая их право на получение возмещения (часть V, пп. 56–68).

7. Затем судья Кансаду Триндади обращает внимание на признание права на самоопределение в прецедентном праве Международного Суда (пп. 69–76), а также на второй Всемирной конференции Организации Объединенных Наций по правам человека, состоявшейся в Вене в 1993 году (пп. 77–86). Он отмечает, что в заключительном документе этой памятной Всемирной конференции Организации Объединенных Наций 1993 года ее участники продвинулись дальше Декларации принципов 1970 года, запротив дискриминацию «любого рода», расширяя тем самым сферу охвата права на самоопределение (п. 78). Теперь мы можем наблюдать, — продолжает судья Кансаду Триндади, —

«новый дух нашего времени, нашедший отражение в новом *jus gentium* современности, в котором центральное место занимают люди и народы (...) с учетом насущных потребностей защиты жертв (в особенности тех, кто находится в уязвимом или даже беззащитном положении) (...).

Corpus juris является подлинным *законом о защите (droit de protection)* прав человека и народов, а не государств, — достижение, которого вряд ли можно было ожидать несколько десятилетий назад. (...) В этой связи чрезвычайную важность имеет право на доступ к правосудию *lato sensu*, отражающее новый примат *raison d'humanité* над прежним *raison d'État* в контексте нового *jus gentium* нашего времени» (пп. 85–86).

8. Затем он сосредоточивает внимание на вопросе, который он задал всем делегациям участников устного консультативного разбирательства Международного Суда на открытом заседании 5 сентября 2018 года, а также на их письменных ответах и комментариях к ним (части VIII–IX, пп. 87–119). Вопрос судьи Кансаду Триндаде был сформулирован следующим образом: «Какие правовые последствия для обеспечения соблюдения обязательств, закрепленных в соответствующих резолюциях Генеральной Ассамблеи, проистекают из формирования международного обычного права при значительном присутствии *opinio juris communis*?».

9. Основополагающее право народов на самоопределение, — продолжает он, — носит в современном международном праве характер *jus cogens*, что было четко признано делегациями участников в их ответах на его вопрос. Более того, для них соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи,

направленные на его поддержку, раскрывают содержание *opinio juris communis* и обязанностей *erga omnes* (по соблюдению основополагающего права на самоопределение). Кроме того, судья Кансаду Триндади добавляет следующее:

«По моему мнению, у Международного Суда нет никаких причин и оснований не указать в данном консультативном заключении прямым образом, что основополагающее право народов на самоопределение принадлежит области *jus cogens*».

Этот вопрос поднимался несколькими делегациями участников на протяжении всего текущего консультативного разбирательства и не был принят во внимание Международным Судом в его собственной аргументации. Этот вопрос заслуживает тщательного рассмотрения, и я обращусь к нему далее. Его нельзя было не упомянуть в рассуждениях, приведенных в настоящем консультативном заключении Международного Суда; не существует оснований, позволяющих не рассматривать его. Основополагающее право народов на самоопределение действительно относится к области *jus cogens* и влечет за собой обязательства *erga omnes* со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями» (пп. 118–119).

10. С учетом этого судья Кансаду Триндади, соответственно, посвящает следующие три части (X, XI и XII) своего отдельного мнения углубленному изучению этого вопроса, начиная с основополагающего права на самоопределение в области *jus cogens*, с момента его раннего признания (пп. 120–128) до подтверждения *jus cogens* делегациями участников в ходе настоящего консультативного разбирательства (пп. 129–150). Он считает «очень важными» такие подтверждения *jus cogens*, хотя «к сожалению» Суд не затронул этот важный момент в настоящем консультативном заключении (п. 150).

11. Затем судья Кансаду Триндади приступает к критике недостаточности прецедентного права Международного Суда, касающегося *jus cogens* (пп. 151–169). По его мнению, «Международный Суд никоим образом не может продолжать игнорировать правовые последствия *jus cogens*, в чрезмерной степени прислушиваясь к согласию отдельных государств на осуществление его собственной юрисдикции» (п. 155). Он утверждает, что *jus cogens* выходит за рамки права международных договоров и здесь необходим подход, ориентированный на интересы людей, причем гуманитарные соображения преобладают над государственными (п. 158).

12. Судья Кансаду Триндади напоминает, что в своих последующих индивидуальных мнениях в Международном Суде он уделял особое внимание случаям применения нормы *jus cogens* и ее правовым последствиям (пп. 156 и 159–162). Уделив значительное внимание важности и расширению материального содержания *jus cogens* в современном международном праве, он считает необходимым высказать свои критические замечания по поводу того, что

«прецедентное право Международного Суда по данному вопросу формируется без энтузиазма и чересчур медленно; Международный Суд мог и должен был бы гораздо глубже проработать свою точку зрения относительно правовых последствий нарушения *jus cogens*, в особенности при столкновении — как это происходит сейчас, при разработке настоящего консультативного заключения, а также в ряде случаев в последние годы — с серьезными нарушениями прав человека и народов» (п. 163).

13. Он далее размышляет о том, что, хотя вопрос *jus cogens* выносился на рассмотрение Международного Суда в течение длительного времени, а именно почти половины столетия, «Суд мог и должен был бы значительно усовершенствовать свою юридическую практику в этой области» (п. 167). Он вновь

высказывает критику в связи с тем, что в настоящем консультативном заключении ему представляется «весьма прискорбным» то, что

«Международный Суд даже не упомянул в нем очень важный вопрос о характере *jus cogens* основного права на самоопределение и его правовых последствиях, широко рассмотренный делегациями участников в ряде их письменных и устных заявлений (в поддержку *jus cogens*), представленных в ходе настоящего консультативного разбирательства (...).

По недоступным моему пониманию причинам Суд, столкнувшись с вопросом столь важным, как вопрос, заключенный в данном запросе Генеральной Ассамблеи о вынесении консультативного заключения, избежал даже упоминания *jus cogens*, ограничившись беглой ссылкой (в пункте 180) на «уважение права на самоопределение» как «обязательства *erga omnes*» (пп. 168–169).

14. Соответственно, судья Кансаду Триндади посвящает свои следующие размышления *jus cogens* и наличию *opinio juris communis* (пп. 170–174), а также *recta ratio* в отношении *jus cogens* и примата совести над «волей» (пп. 175–201). По его мнению, как он это делал на протяжении многих лет, ссылка на «согласие» государства «не может отменить ни всё правовое воздействие норм *jus cogens* в целом, ни правовые последствия их нарушения» (пп. 171–172). Эволюцию общего международного права порождает не «воля» государств, а скорее человеческая совесть, и он добавляет, что

«Международное право — общее или обычное — вытекает не столько из практики государств (не лишенной двусмысленности и противоречий), сколько из *opinio juris communis* всех субъектов международного права (государств, международных организаций, отдельных людей, народов и человечества в целом)» (п. 174).

15. Затем судья Кансаду Триндади обращает внимание на *recta ratio*: *jus cogens* и примат совести над «волей». Он подчеркивает, что над «волей» стоит человеческая совесть, универсальное правосознание (п. 175), напоминая, что наиболее ясная международно-правовая доктрина подтверждает это на основе уроков «отцов-основателей» международного права, которые уже в свое время утверждали, что *jus gentium* не может вытекать из «воли» государств, поскольку является *lex praescriptiva* (частью естественного права) и подразумевает присущий человечеству принцип *recta ratio* (пп. 176–178). *Jus necessarium*, вытекающий из *recta ratio*, а не из «воли» государств, выходит за пределы ограничений *jus voluntarium* (пп. 179 и 196).

16. Именно поэтому придается важное значение основополагающим общим принципам права, а также правам и обязанностям всех *inter se*, значительно превосходящим рамки государственного суверенитета (пп. 179–192). Обязанность возмещения за причиненный ущерб, — продолжает он, — была четко определена как удовлетворение *международной потребности* в соответствии с принципом *recta ratio* вне зависимости от того, являются ли получателями такого возмещения (новые) государства, народы, группы или отдельные лица (п. 185). В своем гуманистическом подходе «отцы-основатели» *droit des gens* уже с XVI века рассматривали возмещение ущерба как удовлетворение международной потребности в соответствии с принципом *recta ratio* (п. 186).

17. Судья Кансаду Триндади предупреждает, что сторонники идеи правового позитивизма, существующей с конца XIX века, необоснованно ставили «волю» государств выше принципа *recta ratio*. Именно в естественно-правовом мышлении «понятие справедливости всегда занимало центральное место, направляя закон в целом; короче говоря, справедливость лежит в основе любого закона, являясь,

кроме того, его конечной целью» (п. 190). По его мнению, общие принципы права, определяющие все правовые нормы и стоящие выше «воли» государств, как и *jus cogens*, «являются порождением человеческой совести и избавляют международное право от подводных камней волонтаризма и односторонних действий государств, несовместимых с основами подлинного международного правопорядка» (п. 195). Судья добавляет следующее:

«Сегодня существует настоятельная потребность в том, чтобы Международный Суд разработал собственное обоснование норм *jus cogens* (а не только обязательств *erga omnes*) и их правовых последствий, принимая во внимание прогрессивное развитие международного права. Он не может продолжать ссылаться лишь на обязательства *erga omnes*, не уделяя внимания *jus cogens* и не уточняя, из чего они вытекают. Кроме того, насколько я понимаю, положение насильственно перемещенных чagosцев в межпоколенческой перспективе следует рассматривать в свете последовательных резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, рассмотренных в настоящем отдельном мнении» (п. 201).

18. Судья Кансаду Триндади, утверждая, что права народов выходят за рамки сугубо межгосударственного подхода, напоминает об исторических прецедентах, которые необходимо принимать во внимание, таких как меньшинства и мандатные системы во времена Лиги Наций, за которыми последовали самоуправляющиеся территории и система опеки согласно Уставу Организации Объединенных Наций (пп. 203 и 205). Он далее ссылается на соответствующие примеры указания на права народов в Международном Суде (пп. 206–213), демонстрируя, что, когда речь идет о правах народов, «доводы Международного Суда неизбежно должны выходить за рамки сугубо межгосударственного подхода. В противном случае правосудие свершиться не может. Характер вопросов, выносимых на рассмотрение Международного Суда, должен приводить к надлежащей аргументации Суда» (пп. 214–215).

19. Это подводит судью Кансаду Триндади к рассмотрению условий жизни людей и многолетней трагедии причиненных им страданий. Сначала он рассматривает заявление, сделанное в ходе публичных слушаний в Международном Суде 3 сентября 2018 года представителем чagosской общины (г-жой М. Лисби Елизе). При этом он исходит из своего представления о том, что «право на жизнь насильственно перемещенных чagosцев и их потомков включает в себя право на достойные условия жизни» (п. 219).

20. Он предупреждает, что «[П]ричиняемые людям страдания столь же вечны, как и разлитое повсюду присутствие добра и зла» (пункт 223); Так, начиная с древнегреческих трагедий (пп. 220–222 и 226), они изучались на протяжении веков (пп. 224–225 и 227), при этом внимание уделялось «судьбе человека, принимая во внимание несовершенство человеческого правосудия» (п. 223). Судья Кансаду Триндаде добавляет, что вышеупомянутое заявление, сделанное в Суде представителем чagosской общины

«на мой взгляд, выражает то же внимание древнегреческих трагедий к страданиям человека, усугубляемым насилием, и причинению страданий беззащитным жертвам. (...)

(...) Организация Объединенных Наций с первых лет своей деятельности, пришедшихся на 1950-е годы, поддерживала сохранение основополагающего права народов на самоопределение, сознавая необходимость положить конец жестокости и злу колониализма, сохранение которого, по моему мнению, равнозначно продолжающемуся нарушению норм *jus cogens* в настоящее время» (пп. 228 и 230).

21. Что касается вопроса, предложенного Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Международному Суду в просьбе о вынесении настоящего консультативного заключения, то он добавляет, что «чагосцы, изгнанные со своей родины, были оставлены на других островах в крайней нищете, в трущобах и пустующих тюрьмах и страдали от хронической нищеты, социальной маргинализации или отчуждения, которые даже становились причиной самоубийств» (п. 231). И он размышляет о том, что современному *jus gentium*, бережно относящемуся к основополагающим принципам и сфере *jus cogens*, «не безразличны страдания населения» (п. 231).

22. В следующей части (XV) своего отдельного мнения судья Кансаду Триндади анализирует *opinio juris communis* в последующих резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которые заметно повлияли на «всеобщее признание», закрепление и обоснование права народов на самоопределение (пп. 232–234). Он далее рассматривает аргументы, представленные несколькими делегациями участников в ходе нынешнего консультативного разбирательства в Международном Суде, подчеркивая несовместимость с последующими резолюциями Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, касающимися отделения Чагоса от Маврикия и насильственного перемещения чагосцев в период 1967–1973 годов, и настоятельную необходимость положить конец такой сохраняющейся в нарушение международного права ситуации (пп. 235–241).

23. Следуя логике, в своих рассуждениях судья Кансаду Триндади переходит к следующему вопросу, который касается обязанности возмещать ущерб за нарушения права народов на самоопределение (часть XVI). Вначале он отметил, что этот вопрос может быть надлежащим образом рассмотрен в историческом ракурсе, поскольку обязанность возмещения ущерба жертвам глубоко укоренена в международном праве, в котором гуманистическое мышление никогда не угасало и продолжает процветать в его самой ясной доктрине (п. 242). В мире, погрязшем в насилии и демагогии, по-прежнему предпринимаются попытки сохранить здравость (п. 243).

24. В этой связи судья Кансаду Триндади напоминает, что в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (2007 года) содержится ряд положений, касающихся обязанности обеспечить средства правовой защиты или возмещение ущерба в отношении права народов на самоопределение; в Декларации содержится прямое упоминание различных форм возмещения ущерба, таких как реституция или, когда это не представляется возможным, справедливая компенсация и другие надлежащие формы правовой защиты (п. 244).

25. Он считает «отрадным», что в ходе нынешнего консультативного разбирательства в Международном Суде несколько делегаций участников конкретно затронули вопрос о праве на возмещение (в различных формах), подчеркнув необходимость обеспечения надлежащей правовой защиты (п. 245). Изучив их аргументы на этот счет (пп. 246–256), он отмечает, что следует помнить, что «переселение чагосцев на архипелаг Чагос напрямую связано с такой формой возмещения, как *restitutio in integrum*» (п. 256).

26. Судья Кансаду Триндади далее подчеркивает, что, поскольку некоторые делегации участников уделили столько внимания предоставлению жертвам соответствующих средств правовой защиты, «в данном случае явно необходимого и неизбежного», «то, что в настоящем консультативном заключении Международный Суд не рассматривает вопрос о праве лиц, принудительно высланных с архипелага Чагос, и их потомков на получение возмещения в его разных формах, ничем не оправдано» (п. 257 и ср. п. 286).

27. Он далее отметил, что это тем более не оправдано ввиду того, что в настоящем консультативном заключении Международный Суд справедливо подтвердил факт нарушений, допущенных «управляющей державой» — Соединенным Королевством — в процессе отделения архипелага Чагос, проведенного без консультаций с местным населением и в нарушение территориальной целостности Маврикия (пп. 172–173), как указано в последующих резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (п. 258).

28. Он добавляет, что это стало основанием для дальнейшего утверждения Международного Суда (в пункте 177), также правильного, о том, что дальнейшее управление архипелагом Чагос со стороны Соединенного Королевства «представляет собой противоправное деяние, влекущее за собой международную ответственность этого государства» и (в пункте 178) что Соединенное Королевство обязано прекратить управлять архипелагом Чагос как можно скорее, что позволит Маврикию завершить деколонизацию его территории «в соответствии с правом народов на самоопределение». Кроме того, Международный Суд добавил (в п. 182), что «все государства должны сотрудничать с Организацией Объединенных Наций в целях завершения процесса деколонизации Маврикия» (п. 259 и ср. п. 287).

29. Таким образом, Международный Суд ответил здесь на два вопроса, содержащиеся в просьбе Генеральной Ассамблеи о вынесении консультативного заключения, — продолжает он, — хотя и не полностью, — поскольку он не рассмотрел ни нарушения *jus cogens*, ни должное возмещение (в его различных формах) ущерба, причиненного жертвам (п. 260). Судья Кансаду Триндаде напоминает о позиции, которую он отстаивал в Международном Суде в ряде случаев и которая заключалась в том, что нарушение права и обязанность по незамедлительному возмещению ущерба неразрывно связаны; нельзя упускать из виду обязанность возместить ущерб (пп. 261–263). Согласно концепции судьи Кансаду Триндади, «нарушения права и безотлагательное выполнение обязанности возместить ущерб неразрывно связаны»; и

«надлежащее рассмотрение вопроса о возмещении ущерба не может сводиться к вопросу о компенсации; необходимо рассмотреть вопрос о возмещении во всех его формах, а именно: *restitutio in integrum*, соответствующая компенсация, сатисфакция (включая публичные извинения), реабилитация жертв, гарантия неповторения пагубных действий или бездействия» (п. 263).

30. Затем судья Кансаду Триндади отмечает, что сегодня защита прав распространяется не только на права индивида или группы лиц, но и на права народов, охватывая возмещение ущерба; в этой связи на передний план выходит вопрос о миссии современных международных трибуналов в этой области (п. 264). С учетом этого он приступает к детальному изучению соответствующей судебной практики международных трибуналов (Межамериканского, Африканского и Европейского судов) по правам человека по данному вопросу (пп. 265–284), демонстрируя наличие элементов в международной судебной практике в поддержку защиты прав народов, предусматривающей предоставление должного возмещения. Таким образом, добавляет он,

«у Международного Суда, выполняющего миссию современного международного трибунала, не было никаких оснований для того, чтобы в рамках настоящего консультативного заключения относительно *Правовых последствий отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году* не рассмотреть должным образом этот важный вопрос, касающийся защиты прав народов в сочетании с надлежащим возмещением ущерба» (п. 285).

31. Далее он рассматривает вопрос о защите прав отдельных лиц и народов и о важной роли общих принципов права в отправлении правосудия (часть XVIII), поскольку основополагающие принципы «служат фундаментом для самого отправления правосудия, и их значение всегда подчеркивалось естественно-правовым мировоззрением» (п. 288). Они имеют исключительно важное значение, поскольку на них основаны и из них проистекают нормы международного права (п. 289). Таким образом, добавляет он,

«Основная позиция международного трибунала может быть только *principiste*, не допускающей необоснованных уступок волюнтаризму государств. Правовой позитивизм всегда, но безуспешно, пытался преуменьшить роль общих принципов права, но в действительности без этих принципов само существование правовой системы было бы невозможным.

Этим принципам придается огромное значение в свете приобретающих все большую остроту нынешних страданий перемещенных лиц и незарегистрированных мигрантов, находящихся в положении крайней уязвимости и разбросанных по миру. Такие длительные и постоянно усугубляющиеся человеческие страдания свидетельствуют о том, что уроки прошлого, по всей видимости, почти забыты. В связи с этим возрастает значимость основополагающих принципов и ценностей, которые уже лежат в основе действий Организации Объединенных Наций — в частности Генеральной Ассамблеи, (...) — а также международной судебной практики (главным образом Межамериканского суда по правам человека) по данному вопросу» (пп. 290–291).

32. Затем он ссылается на свои соображения по этому вопросу, сформулированные в настоящем отдельном мнении, а также в других индивидуальных мнениях, которые он прилагал к предыдущим консультативным заключениям Международного Суда и ранее Межамериканского суда по правам человека (пп. 292–293). В этой связи судья Кансаду Триндади критикует добавление в статью 38 (пункт 1 с)) Статута Постоянной Палаты Международного Суда (ППМС)/Международного Суда (МС) к общим принципам права такого критерия, как «признаны цивилизованными нациями»: такое добавление, по его мнению, создает путаницу, внесено «бездумно и без малейшего критического суждения», поскольку невозможно определить, что подразумевается под понятием «цивилизованные нации»; мы можем лишь определить те страны, которые на протяжении какого-то времени придерживаются «цивилизованного» поведения, с должным уважением относясь к правам человека и народов (п. 296), и можем так называть их только в этот промежуток времени (п. 294).

33. Далее он отмечает, что этот дополнительный критерий к словам «общие принципы права», содержащимся в статье 38 Статута ППМС, был добавлен в 1920 году в результате «ментальной летаргии» и сохранен в Статуте МС в 1945 году, где он и остается по сей день, в силу «ментальной инерции, не сопровождавшейся критическим суждением» (п. 295). Кроме того, судья Кансаду Триндади добавляет, что

«Мы обязаны проявлять больше мужества и скромности, столь необходимых с учетом нашей человеческой природы, принимая во внимание прискорбную склонность человека к безграничной жестокости. Начиная с Древней Греции и до наших времен человеческое существование всегда было окружено страданием. (...)

В данном случае Международный Суд не может рассматривать вопрос исключительно с позиции межгосударственных отношений, как ранее: рассматриваемая просьба Генеральной Ассамблеи о вынесении консультативного заключения касается соответствующих *прав*

народов, — а Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций всегда с вниманием и пиететом относилась к этому вопросу, — затрагивая сами основы Устава Организации Объединенных Наций. Акцент здесь сделан на важности прав народов, таких как их право на самоопределение, получившее твердую поддержку подавляющего большинства делегаций участников» (пп. 295 и 297).

34. Он далее критикует внимание, уделяемое Международным Судом, — как это им принято, — «согласию» отдельных государств, и даже упоминание «согласия» в качестве «принципа» (в п. 90). Он напоминает о том, что на протяжении долгих лет он отстаивал в Суде точку зрения, согласно которой «согласие» не является и не может являться «принципом» (пп. 298–300). Более того, доводы «незначительного меньшинства» делегаций участников, не учитывающих или преуменьшающих значение прав человека и народов (таких как их право на самоопределение), могли быть даже отклонены Судом, который, тем не менее, отводит им место в своей собственной мотивации (например, в пп. 133–134). В этой связи, по его мнению, изложение Международным Судом аргументов, представленных ему делегациями участников, могло бы быть более точным (пп. 301–304).

35. Далее судья Кансаду Триндади отмечает, что в любом случае, выводы Суда, изложенные в постановляющей части, носят конструктивный характер и заслуживают внимания, наряду с его заключением относительно того, что имело место длящееся «противоправное деяние», влекущее за собой международную ответственность соответствующего государства, и относительно определения вопроса о «переселении маврикийских граждан, в том числе чагосского происхождения, на архипелаг Чагос», как вопроса, который касается «защиты прав соответствующих лиц» и который должен быть надлежащим образом «рассмотрен Генеральной Ассамблеей в ходе завершения процесса деколонизации Маврикия». Поэтому судья Кансаду Триндади выражает уверенность в том, что «настоящее консультативное заключение Международного Суда, несмотря на его недостатки, поможет Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, учитывая выводы, изложенные в постановляющей части, в ее стремлении к отправлению правосудия в интересах пострадавших жителей архипелага Чагос в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и общими принципами международного права» (п. 305).

36. И последнее, но не менее важное: в своем эпилоге (часть XIX) судья Кансаду Триндади резюмирует основные моменты (70 из них), изложенные в его нынешнем отдельном мнении (пп. 308–335), с четко отличной от Суда аргументацией, основанной не только на оценке аргументов, представленных Суду делегациями участников, но прежде всего на принципиально важных соображениях и основополагающих ценностях, которые он считает еще более значимыми. Он говорит о том, что чувствует себя в согласии со своей совестью, закладывая основы своей личной позиции по вопросу, рассматриваемому в настоящем консультативном заключении (п. 306).

37. В конечном счете, этот вопрос затрагивает *права народов* и требует, чтобы доводы Суда «выходили за рамки сугубо межгосударственного подхода; в противном случае правосудие свершиться не может» (п. 325). Судья Кансаду Триндади приходит к выводу о том, что общие принципы права (*prima principia*) и основополагающие ценности стоят намного выше согласия государства, неизбежно привнося в международный правопорядок ценностную составляющую; основополагающие принципы в его концепции служат основой для осуществления правосудия, выражая идею объективного правосудия в интересах применения *универсального* международного права, гуманизированного нового *jus gentium* нашего времени (пп. 331, 333 и 335).

Совместное заявление судей Кансаду Триндади и Робинсона

1. Судьи Кансаду Триндади и Робинсон, в дополнение к своим соответствующим отдельным мнениям, представляют свое совместное заявление, в котором подчеркивается важность нормативного содержания резолюций Генеральной Ассамблеи, принимавшихся с пятидесятых годов прошлого века и закладывающих основу для права народов на самоопределение.
2. Такие резолюции свидетельствуют о том, что Генеральная Ассамблея явно намеревалась сделать эффективным и универсальным право народов на самоопределение в международном праве. Генеральная Ассамблея на протяжении многих лет признавала важность кристаллизации права народов на самоопределение в общем международном праве. Ее последующие резолюции обеспечили осуществление почти полной деколонизации во всем мире. По их мнению, настоящее консультативное заключение следует рассматривать в этих рамках.
3. Суду следовало бы уделять больше внимания нормативной ценности таких резолюций Генеральной Ассамблеи, которые свидетельствуют о дальнейшем развитии *opinio juris communis* по данному вопросу в международном обычном праве.
4. Наконец, что не менее важно, судьи Кансаду Триндади и Робинсон подчеркивают, что, учитывая важность *jus cogens* для затронутых в ходе разбирательства вопросов, Суду следовало провозгласить характер *jus cogens*, присущий праву народов на самоопределение.

Особое мнение судьи Донохью

Судья Донохью согласна с тем, что Суд обладает юрисдикцией для вынесения запрошенного консультативного заключения. Однако она считает, что вынесение консультативного заключения равнозначно обходу отсутствия согласия Соединенного Королевства на судебное урегулирование его двустороннего спора с Маврикием относительно суверенитета над архипелагом Чагос и поэтому подрывает целостность судебной функции Суда. По ее мнению, это является веским основанием для того, чтобы Суд воспользовался своим дискреционным правом отказать в вынесении консультативного заключения.

Особое мнение судьи Гая

На просьбу Генеральной Ассамблеи относительно завершения деколонизации Маврикия можно было бы ответить, не анализируя статус принципа самоопределения в 1968 году. То, что произошло на архипелаге Чагос, не может быть воспринято как одна из форм деколонизации. В процессе, ведущем к отделению архипелага Чагос от Маврикия, с чагосцами никогда не проводились консультации, и их даже никто не представлял. Представители Маврикия не согласились с окончательным отделением архипелага.

В контексте деколонизации принцип территориальной целостности (закрепленный, в частности, в пункте 6 резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи) означает, что рассматриваться должна вся территория колонии. Однако это не означает, что самоуправляющаяся территория может быть отнесена к одному и тому же новому независимому государству.

Отвечая на подразумеваемый вопрос Генеральной Ассамблеи, Суд заявил, что управляющая держава обязана осуществить деколонизацию архипелага Чагос. Вместе с тем Генеральной Ассамблее следовало бы оставить решение вопроса о том, каким образом должна быть проведена деколонизация, а не только определение «методов, необходимых, чтобы обеспечить завершение деколонизации Маврикия».

Для того чтобы уточнить дальнейшие последствия по международному праву продолжения управления Соединенным Королевством архипелагом Чагос, Генеральной Ассамблее необходимо было бы в первую очередь определить, каким образом должен быть завершен процесс деколонизации.

Отдельное мнение судьи Себутинде

В описательной части консультативного заключения опущены некоторые важные факты, которые имеют непосредственное отношение к первому вопросу, заданному Генеральной Ассамблеей. Суд также упустил возможность признать, что право на самоопределение в контексте деколонизации приобрело статус императивной нормы (*jus cogens*), отступление от которой не допускается. Прямым следствием этого права является обязательство *erga omnes* уважать это право. Непризнание императивного статуса указанного права привело к тому, что Суд, отвечая на вопрос *b)*, не рассмотрел должным образом и в полной мере последствия его нарушения. Эти вопросы рассматриваются в отдельном мнении судьи Себутинде.

Отдельное мнение судьи Робинсона

1. В своем отдельном мнении судья Робинсон указывает, что, хотя он голосовал за все выводы, содержащиеся в пункте постановляющей части заключения Суда, цель его мнения состоит в том, чтобы рассмотреть вопросы, которые либо не были рассмотрены в консультативном заключении Суда, либо, по его мнению, не были достаточным образом акцентированы, разъяснены или проработаны.

2. В своем мнении он затрагивает четыре области. Во-первых, он анализирует резолюции Генеральной Ассамблеи в период 1950–1957 годов и комментирует их влияние на развитие норм международного обычного права, касающихся права на самоопределение. Во-вторых, он анализирует Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам (резолюция 1514 (XV)) (которую в силу ее воздействия и исторического значения он называет просто «резолюция 1514») и ее воздействие на развитие права на самоопределение. В-третьих, он рассматривает статус права на самоопределение как нормы *jus cogens* и последствия такого статуса для предполагаемого согласия Маврикия на отделение архипелага Чагос и его воздействия на любой договор, который может противоречить этой норме, в контексте того, что деколонизация должна отражать свободное и подлинное волеизъявление соответствующих народов. В-четвертых, он рассматривает судьбу чагосцев.

3. Судья Робинсон утверждает, что анализ резолюций Генеральной Ассамблеи за семилетний период 1950–1957 годов способен продемонстрировать, что практика государств в сочетании с *opinio juris* к 1957 году подтвердила право на самоопределение в качестве нормы международного обычного права. В заключение он отмечает, что, хотя можно утверждать, что право на самоопределение стало нормой международного обычного права в 1957 году, надежнее сделать вывод о том, что его оформление в качестве нормы международного обычного права произошло в 1960 году с принятием резолюции 1514.

4. В своем анализе резолюции 1514 судья Робинсон прокомментировал разъяснение Суда о том, что его консультативное заключение ограничивается правом на самоопределение в контексте деколонизации. Он выдвигает аргумент о том, что тот факт, что право на самоопределение, изложенное в пункте 2 резолюции 1514, не только включено в два Пакта (Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах), но и включено в оба из них в качестве первой статьи, свидетельствует о его значении не только как одного из основных прав человека, но и как права, которое считается необходимым для осуществления всех прав, предусмотренных в обоих Пактах. По его мнению, включение права на самоопределение в качестве

первой статьи в эти два международных пакта укрепляет его развитие в качестве одного из основных прав человека и, по сути, в качестве основы всех других прав человека. Он делает вывод о том, что резолюция 1514 является декларацией, содержащей большое количество норм, которые защищают ценности, имеющие основополагающее значение для международного сообщества, и обладает столь же мощной силой, способствовавшей освобождению и достижению справедливости, что и эмансипация после отмены рабства во многих частях мира в 1830-е годы.

5. Судья Робинсон указывает, что интересная особенность консультативного заключения Суда состоит в том, что в нем отсутствуют какие-либо комментарии по вопросу о статусе права на самоопределение как нормы *jus cogens*. Он проводит анализ прецедентного права Суда и статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров и заключает, используя подход Суда в его судебной практике, что Суд должен был квалифицировать право на самоопределение в качестве нормы *jus cogens*. Он приводит множество доказательств, которые, по его мнению, подтверждают императивный статус права на самоопределение.

6. С учетом того, что он квалифицировал эту норму как одну из норм *jus cogens*, он рассматривает последствия этой квалификации применительно к информации, находившейся в распоряжении Суда в ходе консультативного разбирательства. Одним из актуальных вопросов является обмен нотами, представляющий собой соглашение между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами о доступности Британской территории в Индийском океане для нужд обороны (с приложениями). Другим вопросом является включение в это заключенное посредством обмена нотами соглашение обязательства Соединенного Королевства выселить и переселить жителей архипелага. Он приходит к выводу, что обмен нотами противоречит норме о праве на самоопределение, которая носит характер *jus cogens*.

7. Обращаясь к положению чагосцев, которое он охарактеризовал как «человеческая трагедия, которой не место в XXI веке», он заявляет, что право на возвращение в свою страну является одним из основных прав человека, закрепленных в статье 12 МПГПП. Отметив извинения, принесенные Соединенным Королевством за обращение с чагосцами, он указал на разработку после Второй мировой войны свода норм, основанных на уважении достоинства и ценности, присущих человеческой личности. Он выдвигает аргумент о том, что Соединенное Королевство само являлось важным участником процесса разработки таких норм, которые теперь должны быть применены всеми заинтересованными лицами во благо чагосцев.

Заявление судьи Геворгияна

В своем заявлении судья Геворгиян, полностью соглашаясь с аргументами и выводами Суда, изложенными в заключении, выражает свое несогласие с содержащимся в пункте 177 заявлением Суда по вопросу об ответственности, которое, по его мнению, не подкрепляется прецедентным правом Суда. Судья Геворгиян считает, что между Мавриkiem и Соединенным Королевством существует спор о суверенитете над Чагосом, о чем свидетельствуют попытки Маврикия передать это дело на рассмотрение Суда в рамках производства по спорным делам. Соответственно, задача Суда в данном деле заключалась в рассмотрении законности процесса деколонизации Маврикия и возможных последствий, которые могут возникнуть в связи с ним, а не в вынесении решения об ответственности государств — вопроса, который выходит за рамки консультативных функций Суда.

Заявление судьи Салама

Судья Салам проголосовал за все подпункты постановляющей части настоящего консультативного заключения. Хотя он в основном согласен с обоснованием Суда, он отмечает два момента, которые должны были быть рассмотрены Судом.

Во-первых, судья Салам отмечает, что, стремясь установить, в какой момент право на самоопределение выкристаллизовалось в качестве обычной нормы, с тем чтобы ответить на первый представленный перед ним вопрос, Суд отметил нормативную ценность резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи. Он согласен с этим обоснованием, но считает, что Суду следовало пойти дальше. В этой связи судья Салам напоминает о ряде резолюций Совета Безопасности, в которых в различных выражениях подтверждается резолюция 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи. Он приходит к выводу, что тот факт, что Совет Безопасности недвусмысленно поддержал эту резолюцию, свидетельствует о ее обязательном характере.

Во-вторых, судья Салам с сожалением отмечает, что, отвечая на второй представленный ему вопрос, Суд не затронул возможность выплаты чагосцам компенсации. В этой связи он отмечает, что Суд уже рассматривал этот вопрос в прошлом, и ссылается на консультативное заключение Суда по вопросу *О стене*.

Заявление судьи Ивасава

1. Хотя судья Ивасава согласен с выводами Суда, он хотел бы изложить свое понимание обоснования Суда и изложить доводы в его поддержку.

2. Судья Ивасава отмечает, что свободное и подлинное волеизъявление соответствующего народа является одним из важнейших элементов права на самоопределение. В ответ на вопрос *a)* Суд приходит к выводу о том, что процесс деколонизации Маврикия не был законно завершен в 1968 году. Насколько понимает судья Ивасава, Суд делает это заключение по двум основаниям: во-первых, на том основании, что отделение архипелага Чагос не было основано на свободном и подлинном волеизъявлении соответствующего народа; и, во-вторых, потому, что отделение архипелага противоречило принципу территориальной целостности. Отделение части самоуправляющейся территории или ее разделение не противоречит принципу территориальной целостности, если оно осуществляется на основе свободного и подлинного волеизъявления соответствующего народа. В заключении говорится о том, что в случае Маврикия отделение архипелага Чагос противоречило принципу территориальной целостности, поскольку оно не было основано на свободном и подлинном волеизъявлении соответствующего народа.

3. Судья Ивасава отмечает, что в ответ на вопрос *b)* Суд отмечает обязательства Соединенного Королевства и всех государств-членов в соответствии с международным правом, касающимся деколонизации. Как управляющая держава, Соединенное Королевство несет международные обязательства в отношении архипелага Чагос, включая обязательство уважать право народов на самоопределение и обязательства, вытекающие из главы XI Устава. В рамках настоящего разбирательства из этих обязательств следует то, что Соединенное Королевство обязано как можно скорее прекратить продолжающееся ею управление архипелагом Чагос. Поскольку право народов на самоопределение носит характер *erga omnes*, все государства обязаны содействовать его реализации и оказывать помощь Организации Объединенных Наций в выполнении обязанностей, возложенных на нее в отношении осуществления данного права. В рамках настоящего разбирательства из этой обязанности следует, что все государства-члены должны сотрудничать с Организацией Объединенных Наций в целях завершения деколонизации Маврикия.

4. В своем консультативном заключении Суд, не вдаваясь в детали, заявляет, что деколонизация Маврикия должна быть завершена «в соответствии с правом народов на самоопределение». Суд не определяет конечный правовой статус архипелага Чагос, равно как и не указывает точные методы, с помощью которых право на самоопределение должно быть осуществлено в отношении архипелага Чагос. Суд выносит заключение по вопросам, указанным в просьбе Генеральной Ассамблеи, в той мере, в какой это необходимо для оказания помощи Генеральной Ассамблее в выполнении её функции, связанной с деколонизацией. Вынесение заключения подобным образом не равноценно судебному урегулированию территориального спора между Соединенным Королевством и Маврикием.
